

РУССКАЯ НАУКА

ВЪ ПОСЛѢДНІЯ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

Публичная лекція, прочтенная 17 апрѣля 1890 г. въ актовомъ залѣ Императорскаго Новороссійскаго университета, по случаю Двадцатипятилѣтія университета,

ордінаторомъ профессора

В. Г. Модестовымъ

Десса

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ (Б. ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА)
ПОЧТОВАЯ УЛИЦА, КОМ. ФОНДАНЪ, № 43-В
1890

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Ректоръ С. П. Прошанко.

РУССКАЯ НАУКА ВЪ ПОСЛѢДНІЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ.

Милостивыя Государыни,

Милостивые Государы!

Черезъ нѣсколько дней исполнится двадцать пять лѣтъ жизни нашего Университета. Это — не маловажное событіе въ исторіи Одессы, въ исторіи всего Новороссійскаго края. Новороссійскій Университетъ, хотя все еще не имѣющій полнаго числа факультетовъ, хотя еще не очень обильный слушателями, составляетъ все-таки не только самый крупный фактъ умственной жизни края за послѣднюю четверть столѣтія, но и лучшее его украшеніе. Университетъ, каковъ бы онъ ни былъ, въ какія-бы условія онъ ни былъ поставленъ, есть все-таки университетъ, то есть, выѣстимше высшей науки, авторитетный органъ современнаго знанія, представитель умственныхъ успѣховъ, достигнутыхъ человѣчествомъ въ его совокупности. Даже слабый, даже уменьшенный въ своихъ правахъ университетъ есть сила, съ которою должны считаться, которую нельзя волей всякій признаеть и уважаетъ. И вотъ Одесса, а съ нею и весь Новороссійскій край уже въ теченіе цѣлой четверти столѣтія обладаютъ этой могущественной силой, этимъ важнымъ рычагомъ высшаго образованія, этимъ двигателемъ просвѣщенныхъ идей въ общественной массѣ, который въ то же время является и нѣободье ирнимъ, какъ и нѣободье поднаправнымъ представителемъ народнаго самосознанія.

Такой фактъ, какъ существованіе уже въ теченіе дѣлѣхъ двадцати пяти лѣтъ Университета въ край, насчитывающаго едва-лишь сотню дѣтъ своей принадлежности къ нашему государству, не можетъ и не можетъ пройти незамѣченнымъ для населенія Новой Россіи. Онъ и будетъ отмѣченъ оффиціально на предстоящемъ 1-го мая годичномъ университетскомъ актѣ. Тамъ будетъ прочтена и историческая записка о жизни Новороссійскаго Университета въ теченіе истекшаго двадцатипятилѣтія. Составленіе и прочтеніе этой записки на оффиціальномъ годичномъ торжествѣ Университета являются свидѣтельствомъ того, что Университетъ сознаетъ важность наслопшаго момента въ своей жизни, сознаетъ, что моментъ этотъ есть моментъ въ своемъ родѣ юбилейный. Но мнѣ, какъ очевидцу открытія Университета и участнику въ самыхъ первыхъ шагахъ его дѣятельности, не хотѣлось, и съ своей стороны, пройти этотъ торжественный моментъ университетской жизни молча, и я рѣшился почтить его, чѣмъ могу, — публичной лекціей, которая за нѣсколько дней до окончанія двадцатипятилѣтія Новороссійскаго Университета, указала бы на то, чѣмъ за это время особенно отмѣчается исторія русской науки. Картина общаго теченія русской научной жизни яиче освѣщаетъ и значеніе нашего молодого Университета для края, которому, по словамъ указа правительствующему Сенату отъ 11 іюля 1864 г., онъ долженъ былъ дать «способы къ высшему образованію юношества».

Оъ первыхъ-же словъ моей бесѣды съ вами, м. г., мнѣ хочется заявить мыслъ, которую вы, безъ сомнѣнія, встрѣтите съ удовольствіемъ, и которая, слышу прибавить, будетъ воспринята вашей мыслью моей лекціи. Вотъ эта мыслъ: *какъ бы ни были велики недочеты нашей жизни матеріальной, общественной и нравственной, несомненно то, что русская наука въ послѣднія десятилетия имѣетъ весьма большіе успѣхи.* Успѣхи эти, на сколько кослупно моему пониманію, въ той или въ другой степени сдѣланы ею во всѣхъ областяхъ знаній, но въ нѣкоторыхъ областяхъ она, въ сравненіи съ предыдущими временами, громадна. Проксходящій въ послѣдніе дни прошлаго и въ первые дни нынѣшняго года въ Петер-

бургѣ свѣдѣтъ естественныятадегелъ, на которыхъ присутствовало болѣе двухъ тысячъ ученыхъ (2,200), показало, какъ стали многочисленны наши силы въ области естествознанія, и какъ онѣ быстро увеличиваются. Ровно десять дѣтъ тому назадъ, происходила также свѣдѣтъ естественныятадегелъ, и происходила онъ также въ Петербургѣ. Тогда вышло на него, какъ въ то время сообщали газеты, тысяча дѣвяти (впослѣдствіи оказалось болѣе 1400) членовъ, и эта цифра отечественныхъ спеціалистовъ намъ казалась чѣмъ-то колоссальнымъ, припомнимъ многихъ изъ насъ въ высокое патристическое строеніе. «Тысяча дѣвяти представителей науки (писать и тогда по этому поводу въ одной газетѣ 29 дек. 1879 г.)! Да это цѣла армія, стояла на стражѣ нашего національнаго могущества, это — сила, которую можно не замѣчать развѣ только тогда, когда она дѣйствуетъ въ разсыпанную, но которая въ совокупности представляется по истинѣ громадною. Чтобы создать такую умственную силу, такое количество людей, занимающихся изслѣдованіемъ природы, ея явлений и законовъ, для этого требуется упорное и продолжительное стремленіе народа къ образованію, цѣлая исторія напряженія въ странѣ умственной жизни, огромная затрата силъ обществѣнныхъ и индивидуальныхъ, бездна труда, страданій, самопожрженія... «Появленіе переть лицомъ столпнаго общества болѣе тысячи спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ естествознанія, которые, въ добавокъ, составляютъ лишь нѣвѣстную долю всей массы ученыхъ, преданныхъ въ нашей странѣ изученію природы, показываетъ, что условія, необходимыя для развитія у насъ науки, существуютъ, что мы достигли той степени гражданственности, когда наука не только составляетъ потребность въ государственной жизни, но и пользуется общественной сочувствіемъ, когда она уже даетъ зрѣлые плоды и становится общественною силою, всѣмъ признаваемою, когда дальнѣйшее преемственное умственной жизни нашего общества не можетъ быть существенно поколеблено случайными препятствіями, когда, наконецъ, мы видимо приближаемся къ періоду зрѣлаго національнаго самосознанія, готовы въ ближайшемъ будущемъ помириться во весь ростъ умственными силами съ другими народами».

Если такъ намъ оудрано было видѣть сообрашающую въ однумъ мѣстѣ тысячу русскихъ ученыхъ, и мы исполняемъ, при видѣнїи на столѣ значительную массу отечественныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, радостными патристическими чувствами, то что сказать намъ въ виду того факта, что эта масса сѣвѣжающихся для взаимнаго обмена мыслей русскихъ натуралистовъ въ теченіе десятилѣтїи увеличилась почти на двѣ-три тысячи! А если мы вспомнимъ, что двадцать два года назадъ, на первый сѣздъ русскихъ естествоиспытателей, происходившій также въ Петербургѣ (1867 г.), явилось только 465 членовъ, то наше удивленіе и удволеніе при видѣ этихъ двухъ тысячъ двухъ сотъ членовъ послѣднато сѣзда натуралистовъ естественно должны быть еще больше. Передъ нами несомнѣнный фактъ, что дѣятели русской науки быстро возрастаютъ въ числѣ, по крайней мѣрѣ въ той области, которой въ нашемъ столѣтїи суждено было занять первое мѣсто въ умственномъ движенїи человечества. Мы нѣтъ нужды посылать вамъ, что, коль скоро увеличилось число дѣятелей, увеличился въ соотвѣтственной степени и дѣятельность, и слѣдуетъ думать, что она не только увеличилась количественно, но и совершена ствуется качественно. Вы сами знаете, что нѣкоторые изъ русскихъ ученыхъ успѣли за это время прїобрѣсти первоепенное значеніе среди ученыхъ всѣхъ странъ, сѣдѣлись общепризнанными столпами науки, другіе прїобрѣли громадную известность у насъ въ Россїи изслѣдованїями въ области того или другого царства природы внутри нашего очества, третьи прославились экспедиціями въ отдаленныя страны. Въ мы едди не видимъ, то чувствуемъ, что наука естествознанїя въ Россїи не только имѣетъ многочисленныя прѣдставителей, но и имѣетъ дѣятельную жизнь.

Обратимся теперь къ другой научной сферѣ.

Въ началѣ нынѣшняго года, вѣдѣвъ за окончанїемъ сѣзда естествоиспытателей въ Петербургѣ, происходиль сѣздъ археологовъ въ Москвѣ. На археологическіи сѣзды у насъ бѣнать не только археологи въ собственномъ смыслѣ, но отчасти также филологи, историки, антропологи, такъ какъ ни для тѣхъ, ни для другихъ, ни для третьихъ у насъ спеціальныхъ сѣздовъ не усурено. Не смотря на присутствїе этихъ, боже или менѣе стороннихъ для археологическихъ сѣздовъ,

элементовъ, сѣзды эти не бываютъ такъ многолюдны, какъ сѣзды натуралистовъ; но и на нихъ русскїе ученые сѣзжаются все-таки сотнями, если только приходится ѣхать не въ такіе отдаленные города, какъ Талїнъ и Казань. Статистика этихъ сѣздовъ не говоритъ, чтобы количество членовъ ихъ прогрессивно увеличивалось, и даже нельзя сказать, чтобы на послѣднемъ, московскомъ, сѣздѣ было въ дѣятельности больше ученыхъ, чѣмъ сколько ихъ было на одесскомъ сѣздѣ въ 1884 г. (372 записанныхъ члена), который, правда, представлялъ болышой шагъ впередъ сравнительно съ происходившимъ десятью годами раньше (1874 г.) кіевскимъ сѣздомъ (204 члена), но несомнѣнно, что и на археологическихъ сѣздахъ, хотя и пошедшихъ своего основателя и испытаво руководителя въ лицѣ графа А. С. Уварова, есть жизнь и движеніе, и количество прѣдставителей къ обсужденїю ученыхъ работъ на нихъ не уменьшается, а скоро увеличивается. О научной же важности работъ археологическихъ сѣздовъ ясно свидѣтельствуютъ то обстоятельство, что они обрѣли на себѣ значительное вниманїе европейскїхъ ученыхъ и скоро стали привлекать къ себѣ прѣдставителей изъ разныхъ странъ Европы, лютей съ извѣстными именами въ науцѣ.

Я указывалъ вамъ на два, хотя и далеко не соизмѣримыхъ, но за то одинаково наглядныхъ, рельефныхъ факта жизни русской науки. Факты эти говорятъ, что русская наука въ наше время считается своихъ прѣдставителей въ области естествознанїя тысячами, а въ области наукъ историческихъ согами, что русская наука не только существуетъ, но и проявляетъ свою жизнь видимымъ и осязательнымъ для всѣхъ образомъ, что, наконецъ, дѣятельность ея замѣтна не только въ Россїи, но и въ Европѣ, которая уже не считаетъ себя въ правѣ отказывать этой дѣятельности въ своемъ признанїи.

Такъ теперь. Но если мы заглянемъ на предложенїе русской науки двадцать пять лѣтъ назадъ, то намъ представляется, нѣсколько иная картина. Ученыхъ сѣздовъ никакихъ; въ университетсахъ, только что получившихъ новый уставъ (1863 г.), множество не занятыхъ каеедръ; ничтожное количество ученыхъ обществъ. Но уже замѣтно проявленїе начинающейся жизни, на каеедрахъ появляются новые люди, которые вносятъ въ преподаванїе новыи научный матеріалъ, новые взгляды

новые методы; тамъ и сямъ заговариваютъ о необходимости образованія ученыхъ общества; въ *Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія* то и дѣло появляются статьи и заметки о томъ, какъ наука живетъ въ другихъ странахъ, и что нужно намъ для ея поднятія въ наше отечество; въ ученой литературѣ стали обозначаться имена талантливыхъ дѣятелей, которые помогли пробудить громкую или почтенную известность въ европейскомъ ученомъ мірѣ.

Такимъ образомъ, двадцать пять лѣтъ назадъ, мы видимъ только начало того научнаго движенія, которое теперь наблюдаемъ въ значительномъ развитіи. Перенесимъ мыслію въ 1865 годъ, когда открытъ былъ Новороссійскій Университетъ, мы только предчувствуемъ возможность того, что теперь стало совершившимся фактомъ и что уже вошло въ общее сознаніе, какъ нѣчто необходимое, и безъ чего наука жить не можетъ.

Если теперь мы взглянемъ еще нѣсколько назадъ, взглянемъ за предѣлы только-что истекшаго двадцатипятилѣтія, помогнемъ на русскую науку пятидесятихъ и даже начала шестидесятыхъ годовъ, то увидимъ такое ея состояніе, которое не давало и идеи о томъ, что въ наше время будутъ совершаться на связяхъ естествоиспытателей дѣятели членовъ и болѣе того, а на связяхъ археологовъ—триста и болѣе преподавателей русской науки въ области историческаго знанія. Въ естественныхъ наукахъ, которые такъ развились у насъ въ послѣдніи двадцать пять лѣтъ, въ то время авторитетными дѣятелями были почти всецѣло у насъ приглашенные изъ-за-рѣчьи или дерптскіе ученые: такъ было въ академіи наукъ, такъ было въ университетѣхъ, такъ было въ медико-хирургической академіи. Въ области классической филологіи дѣйствовали въ академіи наукъ исключительно нѣмцы, въ университетахъ—большую частью тоже нѣмцы; да и въ другихъ наукахъ, если исключимъ русскую исторію и русскую словесность съ связанными нарѣчіями, да русское право, русскіе элементы мало выделялись. Въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, поставившемъ гимназическихъ учителей на всю Россію, всеобщая исторія читалась даже на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ читавшій ее, впрочемъ ученый солидный и талантливый (Доренцъ), не владелъ русскимъ. Въ Западной Европѣ тогда упо-

решилось мнѣніе, что русскіе не способны къ высшей наукѣ, и что вся наука, какая у насъ есть, за исключеніемъ математики, дѣя русскія имена (Лобачевскаго, Остроградскаго, Чебышева) все-что говорили о русскомъ умѣ, находилась въ рукахъ иностранцевъ, по преимуществу нѣмцевъ. Какъ это ни странно, многие изъ ученыхъ Германии были даже убеждены, что и лекціи въ нашихъ университетахъ читаются на нѣмецкомъ языкѣ. Отголоски этихъ мнѣній мы приведемъ слышать еще въ 1867 году отъ одного рейдельбергскаго профессора, котораго меня спрашивалъ,—на нѣмецкомъ, или на другомъ языкѣ я читалъ лекціи въ Новороссійскомъ Университетѣ (я былъ тогда доцентомъ этого университета). Такое предствленіе, независимо отъ того, что нѣкоторые нѣмецкіе ученые дѣйствительно читали у насъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ, прямо оправдывалось, во первыхъ, тѣмъ, что наши академики, за исключеніемъ второго, русскаго, отдѣленія, печатали свои статьи въ академическихъ изданіяхъ (какъ и теперь печатаются) на иностранныхъ языкахъ, т. е. почти исключительно на нѣмецкомъ; во вторыхъ—тѣмъ, что русскіихъ ученыхъ изданій у насъ почти совсѣмъ не было, а тѣ, какія были, рѣдко доходили до западныхъ ученыхъ. Въ университетѣхъ нашихъ, правда, было не мало профессоровъ съ русскими фамиліями, но сами-то университетскіе дѣйствовавшіе тогда на основаніи крайне стѣснительнаго устава 1835 года, были въ полномъ упадкѣ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ этотъ упадокъ, казавшійся ральше нормальнымъ ихъ состояніемъ, былъ признанъ официальнo. Въ числѣ причинъ этого упадка въ одной официальной статьѣ *Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія* 1863 года указывается, съ одной стороны, на недостатки хорошихъ профессоровъ, происшедшіи отъ стѣсненія молодыхъ ученыхъ въ возможностяхи довершать свое образованіе заграничій и отъ излишней сложности экзаменовъ на высшія учебныя степеня, что, змѣстѣ взятое, привело къ отсутствію кафедръ, съ другой—на равнодушіе профессоровъ къ интересамъ университетовъ и науки вообще. Въ объясненіе послѣднато факта говорится въ указанной статьѣ слѣдующее:

«Такое равнодушіе вызвано отчасти отсутствіемъ ученыхъ коллегій отъ сужденія и распоряженія по дѣламъ, относящимся къ вопросамъ, связаннымъ съ жизнью университет-

Товь, отчасти равнодушнѣмъ самого общества къ интересамъ науки, отчасти и матеріальнымъ заботамъ, обременявшимъ профессоръ, и, наконецъ, не всегда удавлетворительнымъ состояніемъ ученыхъ коллегій. Не воя (говорится даже въ статьѣ) никакой отвѣтственности за внутреннее управление университетомъ, возложенное на попечителя, правленіе и инспектора студентовъ, университетскій Совѣтъ, вмѣсто нравственнаго, воздерживающаго и подвигающаго, начала, вылился иногда, на оборотъ, страдающимъ научнымъ застоємъ и незрѣлымъ увлеченіемъ» (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія* СХІХ, стр. 345—6).

Какъ-то странно теперь читать эти оффиціальныя заявленія о «научномъ застоѣ» въ университетскихъ корпораціяхъ, соединенномъ съ «незрѣлымъ увлеченіемъ». Но предположеніе, какое напередъ періода, подлежащаго разсмотрѣнію въ нашей лекціи, существовало въ оффиціальной средѣ относительно русскихъ университетовъ, для насъ очень интересно. Поэтому и позволю себѣ сдѣлать еще выписку изъ той-же статьи, чтобы для васъ была ясна картина, какую представляли собой главные разсѣдники нашей науки передъ началомъ ихъ возрожденія.

«Недостатки нашихъ университетовъ — говорить оффиціальныя авторъ — въ послѣднее время начали обнаруживаться особенно рѣзко. Ихъ научная дѣятельность видимо падала; многія кафедръ, за отсутствіемъ системы правительнаго и постановнаго приготовленія профессоровъ, оставались вакантными, другія замѣщались лицами, не имѣвшими требуемыхъ по уставу ученыхъ степеней; наконецъ, самая академическая жизнь студентовъ, невѣрно поставленная въ отношеніи къ университету, заключала въ себѣ элементы беспорядковъ, обнаружившіеся въ еще недавнее время приспособными событіями почти во всѣхъ русскихъ университетахъ. Очевидно, что причинъ этихъ ненормальныхъ явленій, особенно рѣзко проявившихся въ послѣдніе годы, отчасти коренились въ тѣхъ законоположеніяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ наши университеты развивались» (Тамъ-же, стр. 333—4).

Строки эти, рисующія съ такою откровенностью печальное состояніе нашихъ университетовъ, главнымъ образомъ науки въ нашѣмъ отечествѣ, были писаны во второй половинѣ 1863 года, значить какъ разъ передъ началомъ того двадцатипятилѣтія, къ которому относился новый періодъ русской

науки, провозвѣщающій на всагнато безпристрастнаго наблюдателя совѣтъ иное, несравненно болѣе пригное, впечатлѣніе. Спрашивается: что же породило этотъ новый періодъ русской науки, въ которомъ мы не только не видимъ застоя, но, напротивъ, замѣчаемъ прогрессивное движеніе? Откуда взялось это движеніе? Откуда, взглянь тѣ многочисленныя силы, какія мы видимъ на ученыхъ сѣзѣкахъ — естественныхъ наукъ, медицины и археологовъ?

Этотъ новый періодъ, это движеніе, эти новыя силы появились, мн. гл., новое время, начавшееся на Руси въ эпоху реформъ, произведшее обновленіе всей жизни въ нашѣмъ отечествѣ и вызвавшее движеніе во всѣхъ сферахъ государственной и національной дѣятельности. Этому обновленію русской жизни не могла оставаться чуждою и русская наука. Я считаю даже позволительнымъ сказать, что ни въ одной сферѣ нашей жизни обновленіе это не выказалось такъ ясно и такъ прочно, какъ именно въ сферѣ науки. Мы знаемъ, что въ теченіе только-что истекшаго двадцатипятилѣтія *создалась русская наука*, которая начинается изучать то въ той, то въ другой области себя признаніе, чего прежде не было.

Какъ же создавалась эта наука?

Чтобы устранить напередъ всякое недоразумѣніе, я считаю нужнымъ, мн. гл., заявить вамъ, что наука въ строгомъ смыслѣ, какъ мы ее теперь всѣ понимаемъ, по существу своему одна, и дѣлать различія науки быть не можетъ. Она — одна въ томъ смыслѣ, что ея истины имѣютъ всемірное значеніе, и не можетъ быть особыхъ научныхъ истинъ для христіанъ, особыхъ для мусульманъ, особыхъ для евреевъ, особыхъ для нѣмцевъ и французовъ и особыхъ для русскихъ. Но обработка научныхъ положеній, приемы исследованія, точныя зрѣнія, съ какихъ разсматривается научный матеріалъ, могутъ быть очень разнообразны, какъ могутъ быть разнообразны и формы положенія добытыхъ наукою истинъ или свѣдѣній. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ употребляются и имѣютъ свое полное оправданіе выраженія: французская наука, английская наука, нѣмецкая наука и т. п. Выясеть и такъ, что въ одной странѣ болѣе разрабатываются одніи области науки, въ другой — другія. Это также даетъ научному движенію страны особую окраску, которая и подучаетъ какъ бы національ-

нудо печатъ, такъ что и съ этой стороны выраженія *французская наука, немецкая наука* и т. п. не суть выраженія, лишенные смысла, какъ это дѣлоторые у насъ себѣ представляютъ, а имѣютъ значеніе реальное, всѣми понимаемое. Далеѣ, когда и уподобленію выраженіе *русская наука*, то не имѣю въ виду сказать этакъ, что наука наша въ настоящеемъ-я развитіи достигла уже равноправности, какую несомнѣнно имѣють одна по отношенію къ другой указанныя мною науки трехъ европейскихъ странъ Европы: Франціи, Англіи и Германіи. До этой равноправности нашей юной наукѣ, взятой въ совокупности, съ многолѣтняго научною французскаго, нѣмецкаго и англійскаго еще очень далеко. Но, тѣмъ не менѣе, русская наука представляеть собой уже реальный фактъ въ томъ смыслѣ, что въ настоящее время множество русскихъ людей принимаютъ участие въ общемъ движеніи европейской науки, что уже не въ одной математикѣ, а во многихъ областяхъ выдвинулись на сцену чисто русскія имена, какъ несомнѣнные вкладчики въ общую сокровищницу науки, что больше и больше высвѣтляются, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ, приемы извѣдыванія, свойственныя ученіямъ русской національности, и что во многихъ областяхъ образовались уже свои русскія школы, которыя ведутъ свое начало отъ ученыхъ или русской національности, или отъ дѣйствовавшихъ на русской почвѣ ученыхъ не русскаго происхожденія (такъ есть русская медицинская школа, есть русская химическая школа и т. п.), а въ нѣкоторыхъ областяхъ школы эти видимо образуются (въ исторіи, въ филологіи). Таковы образцы, безспорно существующіе въ настоящее время явленіе, которое мы считаемъ себя въ правѣ наименовать *русской наукой*.

Научное движеніе, изъ котораго стала вырабатываться и къ нашему времени мало по малу образовалась русская наука, было порождено двумя фактами, которыми ознаменовалась первая половина шестидесятихъ годовъ, вообще очень знаменательная въ нашей культурной исторіи: во-первыхъ, послышкой многихъ десятковъ молодыхъ людей въ 1862 и въ 1863 гг. заграницу для довершенія своего научнаго образованія, въ видахъ пріобрѣтенія къ профессорскому званію; во вторыхъ, новымъ университетскимъ уставомъ, Высочайше утвержденнымъ 18 іюня 1863 и вступившимъ въ силу съ 1864 года.

Мы видѣли, что одной изъ главныхъ причинъ упадка русскихъ университетовъ въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ было отсутствіе многихъ кавендръ. Отсутствіе это стояло въ очевидной связи съ наступившимъ послѣ французской революціи 1848 года ограниченіемъ и затѣмъ совершеннымъ прекращеніемъ командировки молодыхъ ученыхъ въ Западную Европу для довершенія ихъ научнаго образованія. Наука въ Россіи того времени была сама по себѣ еще очень слаба; преподаваніе въ университетахъ, совершавшееся по установленнымъ программамъ и обаянное предержавательскими вѣстками руководствъ, было лишено жизни и научной глубины; русскихъ ученыхъ журналовъ, которые бы знакомили съ научнымъ движеніемъ въ Европѣ, почти не существовало, а иностранныя книги приходили въ рѣдкіе и очень неправильные промежутки. При такихъ условіяхъ дѣлаться ученымъ на отечественной почвѣ становилось очень трудно, и возстановленіе живого общенія съ тѣми научными центрами, гдѣ наука жила широкою жизнью, было для молодыхъ русскихъ ученыхъ дѣломъ безусловной необходимости. Это было сразу совсѣнно вступившимъ въ 1862 году въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинымъ, и отъ въ первые-же мѣсяцы своего министерскаго управленія организовалъ на широкую ногу посылку молодыхъ ученыхъ заграницу прямо съ цѣлью пріобрѣтенія къ профессорскому званію. Посылка эта началась съ мая 1862 года, и уже осеннія книжки *Журнала Мин. Нар. Просв.* этого года стали наполняться отчетами, число которыхъ все возрастало и возрастало. Въ 1863 г. мы уже видимъ отчеты, принадлежащіе 59-ти лицамъ. Но и эта цифра далеко не исчерпывала собой количества лицъ, отправленныхъ въ 1862—1864 гг. заграницу для пріобрѣтенія къ занятію университетскихъ кавендръ по всевозможнымъ специальностямъ. Отчеты, которые отправленнымъ заграницу молодымъ ученымъ писались каждые три мѣсяца и которые носылались въ министерство изъ разныхъ странъ Европы, всего-же больше изъ университетскихъ городовъ Германіи, въ настоящее время представляють огромный интересъ. Они являютъ, быть можетъ, самымъ живымъ матеріаломъ для знакомства съ вопросомъ, какими являлись во время западная наука, съ ученою и преподавательскою дѣятельностью лицъ, словившихъ тогда во главѣ научнаго дви-

женія, съ методами университетскаго преподаванія, съ явленіями ученой литературы, обращавшими на себя наибольшее вниманіе. Русскіе молодые люди занимались наукой у самыхъ ея источниковъ, усвоивали себѣ современныя теоріи, новѣйшіе приемы изслѣдованія, выжили въ живучіе вопросы, волновавшіе ученыхъ въ разныхъ областяхъ знанія. Черезъ два—три года, проведенныхъ въ живѣйшемъ общеніи съ современною наукой, молодые люди возвращались въ Россію. Составляя диссертаціи, вступаи на каеедры, они естественно вносили и въ свои учебныя труды, и въ университетское преподаваніе новыя взгляды и новыя приемы обращенія съ наукой, приемы ея изслѣдованія и преподаванія. Это почувствовывалось сразу и не могло не вызвать и на нашей почвѣ университетскаго обновленія и научнаго движенія. Я назову вамъ хоть нѣсколько лицъ, которые въ 1862—1863 гг. принадлежали къ этому контингенту молодыхъ ученыхъ, вступившихъ затѣмъ на каеедры, и вы поймете, какъ много, въ самомъ дѣлѣ, значила для русской науки организованная Гоговными послыка молодыхъ людей заграницу, послыка, встрѣченная въ свое время рѣзкими нападками въ московской печати. Авенариусъ (физикъ), Алексѣевъ (химикъ), Васильевскій (историкъ), Веригъ (химикъ), Веселовскій (А. Н., специалистъ по романо-германской филологіи), Волевскій (экономистъ), Герье (историкъ), Гоговкинскій (геологъ), Имшенецкій (математикъ), Корзинъ (математикъ), Дебедень (финансистъ), Орестъ Миллеръ (словесникъ), Потебня (по славно-русской филологіи), Сергѣевичъ (юристъ), Троицкій (филологъ). Сколько, мнѣ прѣтутъ, среди этихъ, взятыхъ мною почти на удачу, именъ, сколько именъ, привычныхъ для слуха каждаго изъ васъ, и сколько между ними такихъ, которые ближайшимъ образомъ связаны съ процвѣтаніемъ у насъ той или другой каеедры! Эти знакомыя вамъ имена принадлежатъ къ послылкѣ, такъ сказать, перваго періода, къ которому — позволяете мнѣ магнезную нескромность — относилось время и моею пребыванія заграницей съ цѣлю совершенія филологическаго образованія. Впоследствии и самими Гоговными, къ несчастью, такъ же долго управлявшими министерствомъ народнаго просвѣщенія, и затѣмъ правомъ Толстымъ было отурядено много новыхъ лицъ заграницу съ тою-же цѣлю, и изъ среды вышло также не мало почтенныхъ дѣятелей науки, но имена

тѣхъ вышеупомянутыхъ ученыхъ, никакъ сверстниковъ, мнѣ пріятнѣе, и я радъ, что принадлежу къ ихъ поколѣнію, къ поколѣнію первыхъ пионеровъ обновленія русской науки подымать духомъ, новыми методами, новыми знаніемъ.

Когда довершившіе свое научное образованіе въ разныхъ странахъ научной дѣятельности молодые ученые стали возвращаться въ Россію, то они увидѣли, что съ университетомъ, т. е. съ его организаціей, произошла большая перемена: уставъ 1835 г., подѣ дѣйствіемъ котораго университетская наука пришла въ застою и упадокъ, уже не существовать и замѣненъ былъ уставомъ 1863 г., который возвращена была университетамъ автономія; количество каеедръ было увеличено; денежныя средства на учебныя пособія и учрежденія значительно усилены; содержаніе, получаемое профессорами, давое, а для провинціальныхъ университетовъ, — тѣмъ оно было меньше, чѣмъ въ столичныхъ, — болѣе чѣмъ давое, повышено.

Этотъ новый уставъ есть также дѣло инициативы А. В. Гоговина. Первоначальный проектъ его, составленный по предложенію министра петербургскими университетомъ и подвернутый обсужденію московскаго университета, былъ затѣмъ разработанный особю комиссіей подѣ председательствомъ бывшаго киевскаго и дерптскаго попечителя фонъ-Дреке. Изъ этой комиссіи онъ поступилъ на разсмотрѣніе ученаго комитета. Подѣ сдѣланныхъ въ этомъ комитетѣ замѣчаній была составленъ новый проектъ, который былъ разсмотрѣть главными правленіемъ училищъ и затѣмъ перешелъ на разсмотрѣніе комитета подѣ сдѣланныхъ лицъ, назначенныхъ по Высочайшему повелѣнію: графа Строганова 1-го, барона Корса, барона Мейендорфа, князя Долгорукова и дѣухъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ, Валугева, и народнаго просвѣщенія, Гоговина. По разсмотрѣніи въ этомъ комитетѣ, онъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ былъ разсмотрѣть и исправленъ въ существенныхъ департаментахъ законовъ и автономіи и въ общемъ собраніи и тогда только поступилъ на Высочайшее утвержденіе, которое и состоялось въ Царскомъ Селѣ 18 июня 1863 года. Вы видите, какую длинную дорогу разсмотрѣній и исправленій прошелъ первоначальный проектъ этого замѣчательнаго устава. Но я не упоминалъ еще объ одной инстанціи, компетенція которой также кое-что значила. Переведенный

на французскій, нѣмецкій и англійскій языки, проектъ этого устава былъ подвергнутъ еще разсмотрѣнію выдающихся иностранныхъ ученыхъ. Рядкій законодательный актъ былъ разработанъ съ такою тщательностью и съ столь разныхъ точекъ зрѣнія, и нечего удивляться, что въ сферахъ, для которыхъ этотъ законодательный актъ, данъ изъ важнейшихъ памятныхъ законодательной дѣятельности прошлаго царствованія, былъ назначенъ, онъ былъ принятъ съ самымъ живымъ и единодушнымъ одобреніемъ. Конечно, какъ и всякое дѣло рукъ человѣческихъ, онъ имѣлъ свои недостатки, но надо сказать правду, что уставъ, о которомъ идетъ рѣчь, чрезвычайно много содѣйствовалъ подъему русской науки, и та научная жизнь, какая вскорѣ проявилась въ русскихъ университетахъ, и науку мы теперь имѣемъ, создалась подъ его вліяніемъ.

Какъ наглядное выраженіе дѣятельной научной жизни, начавшейся въ университетахъ съ введеніемъ устава 1863 года, является быстрое возникновеніе и развитіе при университетахъ ученыхъ обществъ, оказавшихъ на оживленіе и развитіе русской науки огромное вліяніе. Особенно широко воспользовались правомъ составленія ученыхъ обществъ физико-математическіе факультеты, открывая у себя *общества естественныхъ наукъ* какъ подъ этимъ общимъ, такъ и подъ частными названіями (финическое, химическое, физико-химическое, минералогическое и т. п. общества). Слѣдующій Годовнина на постѣ министра народного просвѣщенія графъ Дм. Толстой уже въ первыхъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ особенно надеваетъ на пользу, приносимую завѣдывающими при университетахъ обществами естественныхъ наукъ, говоря въ отчетѣ за 1869 годъ объ оживленіи ученой дѣятельности университетовъ подъ вліяніемъ новаго устава, графъ Толстой заявляетъ:

«Оживленію ученой дѣятельности университетовъ значительныя способствуютъ существующія при нихъ, на основаніи устава, разныя ученые общества... Дѣятельность старѣйшаго изъ этихъ обществъ, существующаго при Московскомъ университетѣ, общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи, образована была въ 1869 году преславною на факультетское изученіе нѣкоторыхъ мѣстностей въ Россіи и на обогащеніе нашихъ русскихъ естественно-историческими предметами. Съ этою дѣлію обществомъ снаряжены были

экспедиціи въ Туркестанъ, къ морямъ Балтійскому, Черному, Бѣлому и къ Байкалову для изученія пренатурально мѣстныхъ животныхъ: поданы этихъ экспедицій было поименно новыхъ замѣчательныхъ изслѣдованій, частью уже обнаруженныхъ и частью приготовленныхъ къ изданію, и коллекціи болѣе чѣмъ въ 40 тысячъ экземпляровъ, обнимающихъ собою все классы животнаго царства и собранныхъ въ маю изслѣдованныхъ и въ маю извѣстныхъ мѣстностяхъ; въ томъ числѣ до 25 тысячъ экземпляровъ доставлены изъ Туркестанской области и Самаркандъ.

Переходя къ другимъ университетамъ, министръ продолжаетъ:

«Обществомъ естествоиспытателей при с.-петербургскомъ университетѣ также снаряжена была экспедиція къ Бѣлому морю, предъзнавшая, крокъ собранія богатыхъ коллекцій, много новыхъ данныхъ, относящихся къ зоологій, ботаникѣ, минералогіи и геологій Бѣлаго моря. Съ будущаго года общество предположило издавать свои изслѣдованія въ особомъ журналь подъ названіемъ: *Труды С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей*».

Общества естествоиспытателей въ провинціальныхъ университетахъ, по отчету Министра за тотъ-же 1869 годъ, тоже не сидѣли сложа руки, а также снаряжали экспедиціи или организовали экскурсіи въ ближайшіе къ нимъ и важные въ томъ или другомъ естественно-историческомъ отношеніи районы. Такъ, члены Харьковскаго общества дѣлали экскурсіи въ окрестности Бѣлгорода для изслѣдованія мѣстной флоры, въ окрестности Зміева и Зміевского лимана, а также славянскихъ озеръ, для изслѣдованія тамонныхъ водъ и изученія населяющихъ ихъ животныхъ и растений, а также рыболовствъ, причиняющихъ вредъ растительности края». Были предприняты также членами этого общества также геологическія изслѣдованія въ Екатеринославской губерніи. Киевское общество направлено свои изслѣдованія въ область фауны Чернаго и Каспійскаго морей.

Такимъ образомъ, въ одинъ годъ была сдѣлана русскими университетами не только масса изслѣдованій, но и масса приобрятеній для университетскихъ музеевъ и кабинетовъ, которые съ этого времени стали быстро обогащаться коллекціями есте-

ственно-исторических предметов. Нужно замѣтить, что уставаы обществъ естествоиспытателей провинціальныхъ университетовъ утверждены были только въ явль 1869 году (Кіевского — 15 февраля, Казанскаго — 25 апрѣля, Харьковскаго — 25 мая, Новороссійскаго — 31 мая).

Дѣятельность этихъ обществъ естествоиспытателей, въ которыхъ такъ нуждалась Россія, до тѣхъ поръ очень мало извѣдыванная въ естественно-историческомъ отношеніи, получила затѣмъ огромное развитіе. Уже на слѣдующій годъ министръ въ своемъ отчетѣ указываетъ на массу экспедицій и экскурсій какъ внутри Россіи, такъ и на ея окраины. Такъ, мы видимъ, что С.-Петербургское общество въ 1870 г. снарядило три экспедиціи, изъ которыхъ одна (зоологическая) отправилась къ Балтскому морю и Дюновитому озеру, другая (геологическая) извѣдывала мѣстность между Балтскимъ моремъ и Онежскимъ озеромъ, третья (ботаническая) отправилась въ сѣверовосточную часть Петербургской губерціи; московское общество любителей естествознанія, антропологи этнографіи, промысловъ (зоологической) къ Балтскому морю, отправило экспедиціи въ Туркестанъ, къ верховьямъ Зарышана и въ Шахрисабскія впадины и двѣ экскурсіи въ Рязанскую, Владимирскую, Нижегородскую и Казанскую губерніи для новыихъ развѣдокъ каменнаго угля и для антропологическихъ и этнографическихъ изысканій. Казанское общество снарядило пять экспедицій или экскурсій, главныимъ образомъ, въ области Волги и Уральскихъ горъ; Харьковское — двѣ экспедиціи и три экскурсіи въ среднюю и южную полосу Россіи, Кіевское сѣдло три экспедиціи въ Кіевскую, Подольскую и Подлявскую губерніи, Одесское совершило шесть экскурсій къ Черному морю и въ Крымъ для геологическихъ, ботаническихъ и химическихъ изысканій.

Я нарочно отмѣтилъ все эти подробности, чтобы вамъ можно было видѣть, какъ организованныя, на основаніи новаго университетскаго устава, общества естествоиспытателей дружно и энергически двинулись на изученіе органической и неорганической природы Россіи, и какъ, вслѣдствіе того, широко и плодотворно развивалась наука естествознанія въ нашемъ отечествѣ.

Прошло каинхъ нѣбудь восемь лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, и министръ народ-

наго просвѣщенія въ своемъ отчетѣ за 1871 годъ такъ характеризуетъ дѣятельность русскихъ университетовъ:

«Ученая дѣятельность профессоровъ нашихъ университетовъ, независимо отъ чтенія лекцій, выражалась въ теченіе 1871 года въ изданіи *значительнаго числа ученыхъ трудовъ*, въ *публикаціяхъ лекцій*, которыя читались 68-ю профессорами во всѣхъ университетахъ, и преимущественно въ Петербургѣ, Дерптѣ и Кіевѣ, и, наконецъ, въ томъ дѣловомъ участіи, которое принимали университетскіи корпораціи *въ разлитыи и распространеніи круга дѣятельной ученной обществъ*, состоящихъ при всѣхъ университетахъ».

Вы видите теперь, м. г., что въ нашихъ университетахъ послѣ возвращенія изъ заграницы большаго количества молодыхъ ученыхъ и вслѣдъ за новой организаціей университетовъ дѣятельно начавшаяся научная жизнь. Жизнь эта ярко отражается и въ духѣ министерскихъ отчетовъ, которые не могли не указывать на возрастающее процвѣтаніе русскихъ университетовъ, о какомъ въ прежнее время и не думали. Выбѣсь съ тѣмъ вы, хотя отчасти, видите, какимъ образомъ создавалась русская наука. Она создавалась новыми людьми, новою жизнью въ университетахъ, учеными при нихъ обществами, наконецъ *учеными съездами*. Въ 1871 году, относительно котораго министръ народнаго просвѣщенія констатировалъ такое развитіе ученой дѣятельности, происходило уже третій съездъ естествоиспытателей, въ Кіевѣ (первый происходилъ въ 1867 г. въ Петербургѣ, второй въ 1869 г. въ Москвѣ). Какими могущественными двигателями научнаго движенія являются периодическіе съезды специалистовъ, это теперь знаютъ все; но тогда ученые съезды были вновь и въ первое время даже выужали въ нѣкоторыхъ сферахъ опасенія. Однако уже послѣ перваго съѣзда естествоиспытателей министръ народнаго просвѣщенія, въ своемъ отчетѣ за 1867 годъ, долженъ былъ засвидѣтельствовать перекъ Государствѣ, что взаимное обличеніе ученыхъ «несомнѣнно способствуетъ могущественнымъ средствомъ къ зрѣлой и всесторонней обработкѣ каждой отрасли науки».

Я остановился на университетскихъ обществахъ естествоиспытателей, организованныхъ на основаніи устава 1863 года, потому, что въ этихъ обществахъ особенно сильно и рельефно выражалась новая жизнь русской науки, равно какъ и потому,

что въ шестидесятыхъ годахъ наши успѣхи въ естествознаніи къбывительно были самыми видными и самыми неоспоримыми научными успѣхами. Первая часть энергическаго движенія въ созданію русской науки безспорно принадлежитъ нашимъ спеціалистамъ въ области наукъ естественныхъ. Исторически, филологически, юридически и социальныя науки развивались послѣ, но почва, на которой произошло у насъ обновленіе этихъ областей знанія, была та-же самая. И здѣсь, какъ и тамъ, явились на кафедрахъ новые люди, ознакомившіеся съ современнымъ состояніемъ наукъ продолжительною пребываніемъ въ главныхъ европейскихъ центрахъ научной дѣятельности; и здѣсь, какъ и тамъ, сказалась живительная дѣятельность университетаго устава, давшего академическому преподаванію необходимый просторъ и самостоятельность; и здѣсь, какъ и тамъ, научная дѣятельность поддерживалась учеными обществами и находила въ нихъ для себя возбужденіе. Только здѣсь научное движеніе произошло въ первые годы дѣятельнаго новаго университетаго устава, т. е. во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, дажеко не такъ замѣтно, какъ то было въ отношеніи къ наукамъ физико-математическаго порядка. Это происходило, конечно, отъ разныхъ причинъ, между прочимъ отъ ограниченнаго числа ученыхъ-спеціалистовъ по юридическимъ и въ особенности по историко-филологическимъ наукамъ. Открытіе новато суда поглотило массу юридическихъ силъ для судебной и адвокатской дѣятельности, такъ что даже замѣтнее каверья по юридическому факультету много дѣлать сразу было дѣломъ затруднительнымъ. Что касается до наукъ историко-филологическихъ, то русскія молодѣжь никакъ не чувствовала къ спеціальному занятію ими большого влеченія, и потому количество юношей, посвящавшихъ себя этимъ спеціальноностямъ, у насъ долготе время было совершенно ничтожно сравнительно съ количествомъ молодыхъ людей, начавшихъ посвящать себя естественнымъ наукамъ съ конца пятидесятыхъ годовъ, когда во всей Западной Европѣ господствовало особенное движеніе въ этой области, и куда влеченіе къ знакомству съ фактами и выводами естествознанія охватывало огромную часть нашего образованнаго общества. На этомъ основаніи и ученые общества по наукамъ историко-филологическимъ (какъ и юридическимъ) основывались гораздо медленнѣе, чѣмъ по наукамъ точнымъ,

и въ первое время основывались больше нѣтъ университетовъ, чѣмъ при самихъ университетахъ. Такъ въ 1864 году были основаны въ Москвѣ, помимо университетовъ, два археологическія общества: Московское археологическое общество, недавно праздновавшее свое двадцатипятилѣтіе, и общество древнерусскаго искусства при московскомъ публичномъ музеѣ. Въ Петербургѣ въ 1866 г. основалось русское историческое общество, которое затѣмъ изданиемъ важныхъ архивныхъ матеріаловъ (вышло уже болѣе 70 томовъ) по исторіи восемнадцатаго столѣтія приобрѣло громкую известность и большое значеніе. Въ томъ-же году (3 декабря) получило новый уставъ императорское Русское археологическое общество въ Петербургѣ. Что же касается университетскихъ обществъ, то первыми изъ нихъ, въ разсматриваемый нами періодъ, не въ области физико-математическихъ и медицинскыхъ наукъ было юридическое общество при московскомъ университетѣ, уставъ котораго былъ утвержденъ 17 февраля 1865 года. Затѣмъ мы видимъ открытіе въ 1869 г. въ Петербургѣ, при университетѣ, филологическаго общества (уставъ 25 февраля).

Оживленіе въ наукахъ историко-филологическихъ и юридическихъ стало замѣтно лишь въ семидесятыхъ годахъ. Начинаятъ пополняться университетскія кафедры на историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ, существовавшихъ въ нѣсколькихъ университетахъ въ шестидесятыхъ годахъ даже по такимъ предметамъ, какъ русскія исторія, не говоря о классической филологіи, и занимавшіяся доцентами, даже приватъ-доцентами или, наконецъ, не имѣвшими вовсе никакихъ преподавателей, ученыя докторатура по всѣмъ предметамъ историко-филологическихъ и юридическихъ знаній замѣтно увеличиваются; появляются и разпространяются стремленіе участвовать въ ученыхъ сѣздахъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ; наконецъ, открываются новыя ученые общества и учрежденія. Такъ въ концѣ 1872 года учреждается въ Кіевѣ историческое общество Нестора Львовица, которое вскоре сливается съ образовавшимся, но не получившимъ утвержденія, университетскимъ историческимъ обществомъ и затѣмъ дѣлается замѣтнымъ въ Россіи органомъ ученой дѣятельности въ области наукъ историческихъ и филологическихъ; въ 1873 году обновляется новымъ уставомъ Одесское общество исторіи и древностей; въ 1874 г. откры-

нается въ Петербургѣ общество классической филологіи и педагогони, открытіи котораго открываются въ Москвѣ, Кіевѣ и Харьковѣ; въ концѣ 1876 года учреждается историко-филологическое общество при харьковскомъ университетѣ; въ началѣ 1877 г. открывается юридическое общество при с.-петербургскомъ университетѣ; въ мѣзъ того-же года утверждается уставъ петербургскаго общества древней письменности; въ 1878 году открывается общество археологич., исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ, въ томъ-же году появляется на свѣтъ юридическое общество при томъ-же университетѣ и археологическій институтъ въ Петербургѣ, высочайшее положеііе объ открытіи котораго состоялось 28 іюля 1877 года. Рядомъ съ этимъ въ семидесятыхъ годахъ состоялись три археологическія съѣзда, въ которыхъ принимали участіе не только археологи въ собственномъ смыслѣ, но и историки съ филологами, какъ объ этомъ было раньше мною упомянуто, и даже юристы. Это были: съѣздъ петербургскій въ 1872 г., кіевскій въ 1874 г. и казанскій въ 1877 г. Въ 1875 году состоялся въ Москвѣ съѣздъ русскихъ юристовъ.

Фактъ усиленія ученой дѣятельности въ средѣ нашихъ историковъ, филологовъ и юристовъ въ семидесятыхъ годахъ сталъ замѣтенъ и въ оффиціальной средѣ, такъ что, начиная съ отчета министра народнаго просвѣщенія за 1872 годъ, онъ отмѣчается такъ или иначе уже во всѣхъ его слѣдующихъ отчетахъ. Въ отчетѣ за 1872 годъ министръ указываетъ на значительное число ученыхъ трудовъ, «внесшихъ», по его словамъ, «цѣнные вклады въ сокровищницу науки *по весьма ей отраслямъ*», и при этомъ замѣчаетъ, что ученые труды русскихъ профессоровъ «съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приобретаютъ, тронъ общаго научнаго интереса, еще особое для насъ значеніе, касаясь *стѣны сторожа нашей интelleктуальной и вѣковой жизни* и примѣняя научныи изслѣдованія какъ къ юридическому и государственному строю нашей жизни, такъ и къ финансовымъ условіямъ разлнчныхъ мѣстностей нашего отечества». Это значитъ, что оффиціальному обзоръ дѣятельности нашихъ университетовъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ русская наука казалась уже въ разныхъ ея областяхъ пробравшимъ общественное значеніе, тѣмъ-же образомъ связанною съ жизнью народа и государства и открывающею на раз-

ные запросы этой жизни. При этомъ министръ уже прямо указываетъ какъ на одинъ изъ главныхъ двигателей «такого *иодотворена* направленія» дѣятельности нашихъ представителей науки, на ученые общества: «филологическія, историческія, юридическія», прибавляя къ нимъ «математическія и естествоиспытательныя».

Новые признаки усиливалопагося научнаго движенія открывалогся въ это время въ появленіи русскихъ ученыхъ всякихъ спеціальныхъ на международныхъ связяхъ. Такъ въ 1874 г. русскіе ученые принимаютъ участіе въ международномъ ботаническомъ съѣздѣ, происходившемъ во флоренціи, принимаютъ на съѣздѣ ориенталистовъ въ Лондонѣ, на съѣздѣ антропологовъ въ Стокгольмѣ, а въ 1875 г. на географическомъ конгрессѣ въ Парижѣ; въ 1876 г. они принимаютъ участіе въ международномъ статистическомъ съѣздѣ въ Петтѣ, въ швейцарскомъ съѣздѣ членовъ инстигута международного права и въ международномъ съѣздѣ ориенталистовъ въ Петербургѣ, открываются на лондонскую выставку научныхъ пособій и аппаратовъ; въ 1877 г. нѣкоторые представители русской науки ѣздили въ Венецію для принятія участія въ 400-лѣтнемъ юбилей успальскаго университета, на амстердамскій съѣздъ ботаниковъ и зоологовъ, на съѣздъ членовъ инстигута международного права въ Юрихѣ, и т. д.

Въ видете, такимъ образомъ, что русская наука въ разныхъ областяхъ, а не только въ области естественныхъ наукъ, начинаетъ принимать непосредственное участіе въ общей европейской наукѣ. Она существуетъ уже не въ ивѣ, не въ воображеніи патриотовъ, а есть нечто реальное, что не только существуетъ, но и кажетъ себя чувствовать, не только у себя дома, но и за прѣѣлами нашего государства. И дѣйствительно, имена русскихъ ученыхъ въ семидесятыхъ годахъ встречаются все чаще и чаще на международномъ форумѣ; съ другой стороны, начинаютъ появляться одинъ за другимъ иностранные ученые, считающіе нужнымъ ознакомиться съ русскими языкомъ, и это стремленіе, сначала казавшееся чуждо-то исключительно, начинаетъ серьезно распространяться во Франціи, въ Англій, въ Германіи. Въ спеціальныхъ европейскихъ журналахъ начинаютъ появляться рецензіи на русскія книги по разнымъ наукамъ и между прочимъ даже по исторіи-

честным и филологическим, и это явление становится уже не исключительно, как было прежде, а довольно обыкновенным, что несомненно указывает на признание в Западной Европе существования русской науки, но и на признание в ней движения, возрастающей силы.

Съ этимъ активомъ русская наука вступила въ восьмидесятыя годы. Что завоевана, сдѣланныя ею въ первый пятидесятилетіи дѣла разсматриваемого двадцатипятилѣтія, не были въ остальныхъ десяти дѣла потеряны, а, напротивъ, были расширены и углублены, это вамъ ясно покажутъ сообразный къ началу текущаго года въ Петербургѣ блестящій связать естествоиспытателей, на который одинъ Петербургъ выставилъ не менѣе 1200 специалистовъ, тогда какъ десяти дѣтъ назадъ такую или немногимъ болѣе цифру могла выставить лишь вся Россія. Но этотъ связать естествоиспытателей совпалъ съ связкомъ въ Петербургѣ-же специалистовъ по вопросамъ техническаго образования, на который явился, по газетнымъ свѣдѣніямъ, до тысячи человекъ. На другой день послѣ закрытія связки естествоиспытателей въ Петербургѣ открылся въ Москвѣ, также упоминавшийся уже нами, связать археологовъ, на который записалось до 380 членовъ, и на немъ было прочтено столько рефератовъ, сколько ихъ не было прочтено ни на одномъ предшествовавшемъ археологическомъ связкѣ (136). Это—простая статистика, но она говоритъ громко и въ своемъ родѣ краснорѣчиво. Есть факты и другого рода, подтверждающіе мое полаганіе, что успехи русской науки не остановились переломъ восьмидесятыми годами, а продолжали обнаруживаться все больше и больше. Къ восьмидесятымъ годамъ относятся наиболѣе почтенъ, возманный европейскими учеными корпорациями русской науки въ лингвистическихъ ученыхъ, особенно въ лингвистическо-знаменитого химика; къ восьмидесятымъ годамъ относится фактъ приглашенія одного русского ученаго (М. М. Коваленкаго) къ чтенію лекцій въ европейскіихъ ученыхъ центрахъ,— явленіе, до того времени небывавшее. Позволяетъ мнѣ къ несомнѣннымъ фактамъ расширенія и углубленія русской науки въ 80-хъ годахъ причислить и значительные успехи, сдѣланные въ моей специальности, въ классической филологіи. Только въ это послѣднее десятилетіе науча о классической древности стала у насъ нѣсколько на ноги, тогда какъ еще въ самомъ концѣ 70-хъ

годовъ можно было сильно сомнѣваться въ самой скромной ея будущности. Появился много мелкихъ монографій, не мало большихъ трудовъ, частію оригинальныхъ, частію переводныхъ, сдѣланы дѣльные переводы преческихъ и латинскихъ авторовъ насочинными специалистами, не считая различныхъ добровольцевъ, бросящихъ на чуждое ихъ образованію дѣло только «слезнаго ради прибытка». Имена нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ по классической филологіи теперь составляютъ уже необходимую часть ученой библиографіи по этому предмету; появленіе ихъ сочиненій непременно отмѣчается затранными, а сама сочиненія подвергаются разбору, встрѣчая обыкновенно благопріятную оцѣнку. Посмотримъ и на нѣкоторые другія науки. Въ исторіи развилась и углубилась за это время на русской почвѣ новая специальность, имѣющая уже нѣсколько тысячъ специалистовъ, также получившихъ известность въ Европѣ, именно изученіе Византии въ ея исторіи, бытѣ, литературѣ и искусствѣ. Нѣсколько раньше пожелала на ноги и стала заявлять себя солидными трудами область романо-германской филологіи, имѣющая теперь въ Петербургѣ особую школу специалистовъ. Въ научкѣ права русскіе ученые заявили себя, кроме трудовъ по исторіи русского права и изысканій въ области бытаго права, работами по составленію гражданскаго и уголовнаго уложенія, работами, которые обратили на себя вниманіе и въ средѣ европейскіихъ юристовъ. Насколько доступию между пониманію, въ 80-хъ годахъ не произошло упадка ни въ медицинѣ, начавшей быстро подниматься на ноги у насъ въ 60-хъ годахъ и въ послѣдніе годы усилившейся специалистами по бактеріологіи, ни въ математикѣ, какъ чистой, давно уже стоявшей у насъ на высочайшемъ уровнѣ, такъ и прикладной, развилке которой недавно усилено основаніемъ (1885 г.) технологическаго института въ Харьковѣ, ни въ философіи, въ которую, напротивъ, именно въ восьмидесятыя года и произошло замѣтное движеніе, увлекшее до нѣкоторой степени и часть публики, охотно покупающей теперь философскія книги и оказавшей видное вниманіе къ недавно основанному въ Москвѣ философскому журналу; ни, наконецъ, даже въ богословскихъ наукахъ, гдѣ въ послѣднее время все чаще и чаще выдвигаются ученые, не только стоящіе на уровнѣ современнаго европейскаго движенія въ разраблкахъ религіозныхъ вопросовъ

на исторической почвѣ, но и выявляющіе себя самостоятельными изслѣдованіями первостепеннаго качества въ области религиозной литературы, церковнаго права и археологии.

Обозрѣвая по отношенію къ росту русской науки весь двадцатипятилѣтній періодъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, мы замѣчаемъ, что весь этотъ періодъ, обширнѣйшій столько колебній въ дѣлѣхъ нашей жизни, въ научной сферѣ является послоннымъ движеніемъ впередъ, не смотря ни на какія временныя на пути препятствія. Шестидесятыя годы были рошія начала, и когда она, получивъ массу новыхъ дѣятелей, прошедшихъ настоящую европейскую школу, нашла себя широкіе пути въ пожежіяхъ университетскаго устава 1863 года и усиленно открытѣмъ двухъ новыхъ университетовъ—Новороссійскаго (1865) и Варшавскаго (1869), и историко-филологическаго института въ Петербургѣ (1867). Въ семидесятыхъ годахъ русская наука, напечатавъ себя живительнаго двигателя въ ученыхъ обществѣхъ, открывавшихся, благодаря содѣйствію университетскаго устава 1863 года, во всѣхъ направленияхъ, и въ ученыхъ сѣздахъ, сдѣлала большія усилія, подготовляя почвѣ къ самостоятельному развитію и въ галкихъ областяхъ, гдѣ прежде замѣчалось его очень мало или даже совсѣмъ не замѣчалось. Такими образамъ, восьмидесятыя годы представляются до нѣкоторой степени годами жатвы, въ теченіе которыхъ прямо пожиналось то, что было посеяно въ шестидесятихъ и заботливо вырощено въ семидесятыхъ годахъ. Самы по себе восьмидесятыя годы создали не много новыхъ средствъ къ усиленію или къ расширенію научнаго движенія въ Россіи. На эти годы падаетъ, правда, открытіе Томскаго университета (1888); но университетъ этотъ явился на свѣтъ въ дни лишь одного (медцинскаго) факультета. Они создали также новый университетскій уставъ (1884). По пониманію для многихъ слушателей причинамъ и не могу поступиться въ критикѣ этого устава; но вѣстѣ съ тѣмъ я не беру на себя обязанности и защищать его или оправдывать его появленіе. Я могу только сказать, что, ограничивъ права университетскихъ коллегій и стѣсняя во многомъ ихъ дѣятельность, онъ не имѣлъ въ виду ни прямо, ни косвенно стѣснить научную дѣятельность университетовъ и тѣмъ паче наложить руку на саму науку, которая,

какъ таковая, имѣетъ, и при дѣйствіи этого устава, возможность развиваться по прежнему, особенно послѣ устранинія на историко-филологическомъ факультетѣхъ преподаствій, какия въ первый пять лѣтъ дѣйствія этого устава были созданы для прототора преподаванія разныхъ факультетскихъ предметовъ и для спеціальныхъ занятій въ области классической филологии. Во всякомъ случаѣ, зятое въ дѣлѣхъ, послѣднее двадцатипятилѣтіе представляетъ собой такой періодъ нашей науки, когда для нея создано въ главныхъ чертахъ то, что требуется для дальнѣйшаго ея движенія съ пачатью русской мысли и русскаго характера въ ея направленіи и выраженіи.

Наше время, безъ сомнѣнія, имѣетъ не мало печальныхъ сторонъ, которыя такъ или иначе и отражаются на общественномъ настроеніи; но вы, мм. гг., можете остановиться съ уювольствіемъ на успѣхахъ русской науки. Находясь въ водворѣтѣ еженеизной жизни, мы обыкновенно сравниваемъ лицомъ къ лицу съ единичными явлениями, къ которымъ относимся то съ равнодушіемъ, то съ личными пристрастіями, и намъ кажется мѣсями и ничтожнымъ многое такое, что не таково въ дѣйствительности. Но когда, ставши на минуту въ сторону отъ этого водворота, мы разсматриваемъ тѣ-же явления въ ихъ совокупности, или въ ихъ исторической послѣдовательности, то нѣрѣдко приходимъ къ друтому взгляду на эти явления. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, безпристрастно на массу ученыхъ обществъ, образовавшихся въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, посмотрите на группы ученыхъ изданій, коллективныхъ и единичныхъ, по разнымъ наукамъ, посмотрите на дѣлны ряды русскихъ ииетъ, сдѣлавшихся за это время извѣстными въ европейскихъ наукахъ, посмотрите на эти многочисленные собранія на ученыхъ сѣздахъ, посмотрите на живой интересъ, съ какииъ выслушиваются многія сообщенія на сѣздахъ и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, и на всегда обрѣтающуюся среди присутствующихъ способность сдѣлать мѣткое и полное знакомства съ предметомъ разженіе, посмотрите на тѣ богатые пособія къ научному образованію, какия собраны за этотъ періодъ времени въ музыкаль, въ кабинетныхъ, въ лабораторіяхъ, какия заключаются въ массѣ

печатныхъ руководствъ, недостатковъ которыхъ въ прежнее время дѣлать столь трудными научныя занятія для начинающаго равнотю множества учащихся юношей, — и вы будете поражены огромными шагами, сдѣланными въ теченіе двадцати пяти лѣтъ русскою наукой. По крайней мѣрѣ, я, начинающій ученику жизни одного тридцати лѣтъ тому названъ, и всегда внимательное приглядывавшійся къ русской научной дѣятельности, стою теперь передъ вами пораженный успѣхами во всѣхъ областяхъ знаній, какіе на моихъ глазахъ въ нашей странѣ достигли. Выступивъ на попріище научной дѣятельности еще въ то время, когда вспомогательныя средства къ образованію въ Россіи были до крайности слабы, когда на русскомъ языкѣ не было никакихъ руководствъ по множеству специальностей, когда и замечательныя пособія, какія существовали, были болѣею частью первоначальныя, когда занимающемуся юношѣ почти ничего было прочесть на отечественномъ языкѣ по своей наукѣ, и дожидь до момента, когда, наконецъ, могу съ полнымъ сознаніемъ публично произнести, что существуетъ русская наука, та русская наука, о созданіи которой мы во дни нашей юности могли говорить только какъ о мечтѣ или, если хотіте, какъ о далекомъ идеалѣ.

Да, она существуетъ, мн. гг., еще она, нежданно, еще слабая, нуждающаяся постоянно въ чужой помощи, но все-таки существуетъ. Ерури si muove! Въ странахъ, гдѣ университетская жизнь насчитываетъ пять, шесть, семь столѣтій своего существованія, въ странахъ, которыхъ въ XV и XVI вѣкахъ пережили огромный и спасительный для европейской культуры переворотъ, извѣстный подъ именемъ эпохи Возрожденія, въ этихъ странахъ наука, разумѣется, живетъ въ настоящее время неравномерно болѣе, чѣмъ у насъ, широкою и могущественною жизнью. Мы и не сравниваемъ нашу науку съ французскою, англійскою, германскою, съ наукою странъ, стоящихъ во главѣ образованнаго міра. Во многихъ отношеніяхъ намъ далеко до Италіи, и до Испаніи, которыхъ кажутся многимъ изъ насъ отсталыми, далеко до Скандинавскихъ странъ, не смотря на ихъ геогграфическую, а въ настоящее время и на политическую незначительность. Вообще намъ еще трудно тѣпаться съ западно-европейскими странами въ напряженности научной жизни, въ напряженности, о которой у насъ не многие имѣютъ и понятіе.

Но мы уже далеки отъ того времени, когда наши университеты-скія вавелеры слошъ-да-ридомъ были занимаемы людьми притупленными: въ послѣднее время мы стали наполнить и Академію наукъ своими отечественными силами, что еще недавно многимъ казалось немислимымъ. Мы еще не обнаруживаемъ болѣшого научнаго творчества, не проявляемъ болѣшой дѣятельности въ научномъ движеніи, мы принимаемъ въ этомъ движеніи почти во всѣхъ случаяхъ къ Европѣ; но мы уже передъ нею не шлобнни, выслушивающіе только ея уроки, а сами участвуемъ въ ея научной жизни, какъ младшіе товарищи сознхъ европейскхъ ученыхъ, производя время отъ времени работы и высказывая мысли, которыми интересуются старшіе дѣятели науки и за которыхъ оказываются нашей молодой наукѣ, въ лицѣ болѣе выдающихся ея представителей, почетъ и вниманіе. Призананіе русской науки, какъ и въскольво раньше и поднѣе совершившееся призананіе русской литературы, есть культурный фактъ болѣшой важности, культурный фактъ столько-же нашей жизни, сколько и жизни обще-европейской. Фактъ этотъ совершился на нашихъ глазахъ, такъ сказать, накануне двадцатипятилѣтія Новороссійскаго Университета.

Будущее, мн. гг., принадлежитъ наукѣ, которая и теперь уже производитъ чудеса, прежде неслыханныя, даже невозможнаго. Вы хотите, чтобы въ Россіи жилось шире, лучше, пригнѣе, полнѣе: идите путеводной звѣзды къ такой жизни въ наукѣ. Она внесетъ свѣтъ туда, гдѣ теперь тьма; она внесетъ жизнь туда, гдѣ теперь одно прозябаніе. Она указываетъ новыя пути всему человѣчеству: она-же укажетъ ихъ и намъ. Наше государственное и національное процваніе въ будущемъ обезпечено за нами настолько, на сколько пойдетъ впередъ развитіе нашей науки. А что этому развитію труднаго послѣдняго двадцатипятилѣтія открыта широкая дорога, кто изъ васъ въ этомъ сомнѣвается?